

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Георгий и Геннадий
ЖИВОВЫ

ТОЧКА НЕМО

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Ж67

Серия «Современный фантастический боевик»

Выпуск 232

Иллюстрация на обложке *Елены Прозоровой*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Автор идеи

АНТОН КАЛИНКИН

Живовы, Георгий и Геннадий

Ж67 Точка Немо: роман / Георгий и Геннадий Живовы. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2022. — 288 с. — (Современный фантастический боевик).

ISBN 978-5-17-146786-9

Большое тихоокеанское мусорное пятно — миллион квадратных километров пластика, в котором увязнет винт любого судна — в результате мирового экологического проекта перемещено в самую удаленную от суши точку в мировом океане. Точка Немо — так принято называть эти координаты — становится современным кладбищем погибших кораблей и домом для их экипажей. Пассажиры фешенебельных яхт и беженцы-нелегалы, матросы с сухогрузов и даже команда эсминца остаются без связи с внешним миром и надежды выбраться из мусорной ловушки. Из отходов старой цивилизации они вынуждены строить новую.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-146786-9

© Георгий и Геннадий Живовы, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2022

Глава 1

ВСТРЕЧА

Это путешествие для всех начиналось по-разному. Общей была только точка, в которой оно заканчивалось...

Сейчас, когда все уже улеглось, стало прошлым, забрав из жизни у кого год, у кого пять, у кого — тридцать лет, а у кого и саму жизнь, сейчас все это кажется фантастической историей. Скажи кому еще в 90-е годы двадцатого века, что такое приключится... поверили бы только в сумасшедшем доме. Да я и сам себе верю все меньше. Наверное, потому что многое хотелось бы забыть. Мой мозгоправ, доктор Шенли, говорит, что это глубочайший травматический опыт, и с ним тяжело будет справиться. Доктор Шенли, конечно, смягчает: уж я-то знаю, что справиться с этим просто невозможно. Так и говорю ему: я не понимаю, как от всего увиденного не растрескались мои глаза, не понимаю, как не расплавился мозг и как не лопнуло сердце. А доктор Шенли

в ответ твердит, что я уже воспринимаю свое прошлое с некоторым отрешением, и это первый шаг к успеху. Это — акт принятия. Но на кой мне это «принятие»? С каждым днем прошлое становится все четче, будто бы даже морщины на лицах людей из воспоминаний прорезаются через мутные пятна, которые до того заменяли им лица в моих непрерывных кошмарах... У них появляются глаза, я могу вспомнить их цвет; черты вырисовываются, добавляются рты, носы, уши, а вместе с ними — гримасы ужаса, отчаяния, страха, впавшие щеки, беспомощные взгляды... Вместо забвения, история все ярче расцветает в моих снах. Ох. С картинкой, которая местами уже прояснилась до высочайшего разрешения, возвращается и моя собственная боль. Она становится тем острее, чем отчетливее я все вспоминаю. И бежать от этого невозможно. Даже алкоголь, который какое-то время, еще до встречи с доктором Шенли, был моим верным спутником, оказывал какое-то неправильное действие. Да, на короткое время — от открытия и до закрытия бара на перекрестке — он притуплял боль, но открывал новые эпизоды, сверлил мою память, извлекая из нее леденящие события. Отрезвление возвращало этим стертым, как мне казалось, картинкам, фокус, и опять наступала боль.

Поэтому я сел писать. Доктор Шенли сказал, что это терапевтически полезно. Мне некуда деться. Я правда хочу что-то с этим сделать. Пробую. Думаю об этом. Месяца два размышлял, с чего же начать? Тысячи судеб, множество историй, наброски для которых у меня сохранились — целая энциклопедия. Можно было бы просто написать автобиографию — ведь это терапия, дружок, верно? Тут же нужна рефлексия, так, доктор Шенли, так? Но честнее и вернее — для истории, во всяком случае, написать о той группе, что прибыла на «Линкольне». Именно они перевернули все вверх дном, они вывернули наш жизненный порядок наизнанку.

Итак, это путешествие для всех начиналось по-разному. Общей была только точка, в которой оно заканчивалось... Эти, с «Линкольна», умудрились попасть в замес еще до старта, до НАЧАЛА, о котором никто, конечно же, их не предупреждал.

Таких, как Альваро, всегда видно в аэропортах стран третьего мира. Белозубый, с простой, но аккуратной стрижкой, ровными ногтями и гладкой (а для его возраста — идеальной) смуглой кожей — немного обрюзгший латиноамериканский Мэтт Деймон, не иначе. Но, несмотря на его цветущий вид и гавайскую

рубашку, на тропические острова Альваро приехал совсем не для отдыха.

Несколько лет назад Альваро овдовел. Рак — тут ничего не попишешь. Не помогли даже связи в медицинском сообществе — экспериментальное лечение оказалось слабым оружием против «брызг шампанского» в голове Джесс. Она ушла молодой, ведь сорок пять — это не возраст. После этого Ева, дочь Альваро, которой тогда только исполнилось восемнадцать, бросила колледж, поссорилась с отцом и удрала на эти острова со своим серфером. Она пыталась сбежать — Альваро надеялся, что не от него, а от смерти матери, от самой идеи семьи... и Альваро смирился, насколько мог, хоть и терзался одиночеством. Он пополнял ее кредитку — тем более что тратила Ева немного, всего около тысячи долларов в месяц. Зато Альваро знал, что с ней все в порядке, иногда Ева выходила в Skype. Недавно она позвала отца к себе, сюда, на Тарли, один из бесчисленных райских островков Океании. Альваро взял билеты, не выходя из диалога.

Катастрофа застала его в первое же утро, в лобби отеля. Альваро взял коктейль, хотя мог бы пройти в столовую, где уже начался завтрак. Туда волнами входили туристы: первая волна — семейные, с маленькими детьми, живущие по графику; вторая волна — тоже

семейные, с детьми постарше и пенсионеры парочками; третья — в основном молодежь, которая поздно встает на отдыхе.

Альваро раздражала всеобщая расслабленность и размеренность. Он ждал Еву. Вчера дочь его встретила. Пришла вместе со своим загорелым пучеглазым серфером — Орландо. Просто поздоровались и всё. Серфер схватил чемоданы, но Альваро вырвал их и попросил до завтра оставить его в покое... «Завтра в девять зайду, папочка». Альваро не хотелось разговаривать с Евой при этом парне. Он ему сразу не понравился — еще тогда, еще дома. Какой-то бездельник уволок его дочь черт знает куда, на богом забытый туристический островок, где нет и не может быть никакого будущего.

Хотя нет, все-таки Альваро успел о чем-то поговорить с Евой. Теперь не мог вспомнить ни слова, помнил только смятение — будто и не его дочь была перед ним, а малознакомая молодая женщина, да еще вспомнил жалость к самому себе и беспросветную тоску, которая снова его придавила. Как будто один только взгляд на Еву возвращал его туда, во двор клиники, где он гулял с Джесс, в ее палату, где в последний раз она, на минуту вынырнув из беспомощности, сжала его пальцы, глянула на Еву и прошептала: «Береги ее».

Та, которую он должен был беречь, обещала, что придет в девять, сюда, в лобби. И вот уже почти десять, а ее все нет.

— Еще один, — попросил Альваро девушку-бармена, явно из местных.

Пока она смешивала еще один «дайкири», Альваро задумался о ее внешнем виде. Вроде бы не такой уж и респектабельный отель. Обычный пляжный all inclusive для европейцев, австралийцев и американцев. Но весь персонал вырядился, будто это лучший отель Нью-Йорка — все в строгой одежде, в рубашках с длинными рукавами, что явно не соответствует влажной и жаркой погоде.

— И как вам не жарко? — сам Альваро в эту же секунду вытирал пот со лба.

— Хорошо, сэр, мне хорошо, — ответила девушка на «гостиничном» английском, который предусматривает минимальные ситуативные знания.

Альваро поднес бокал к губам. Светлый ром, лайм — чего проще? Однако именно «дайкири» всегда был его любимым коктейлем. Лет пятнадцать подряд Альваро и Джесс выбирались куда-нибудь на острова Карибского моря — обычно на Багамы, но бывало и в Пуэрто-Рико или в Доминикану. Вечерами — почти неизменно, даже с рождением Евы, они выбирались в ресторан с террасой или

верандой, непременно с видом на море. Тогда, не спрашивая, Альваро заказывал Джесс «багаму-маму», а себе — «дайкири». Джесс всегда быстро и забавно пьянела, и никогда не просила вторую порцию. Она глупо хихикала — или над шуточками Альваро, или над тем, как он щекочет Еву, которая почему-то всегда замирала, как ледяная статуя, только лишь его пальцы коснутся ее живота. Альваро даже таскал ее к другу-неврологу, полагая, что замирание от щекотки — симптом какой-то странной болезни. Но после полного обследования оказалось, что у Евы такая вот частная атипичная реакция.

За столиком, ближним к выходу из столовой, а, значит, и к Альваро, сидела пара с младенцем. В них мгновенно узнавались австралийцы — белозубые, уверенные, легкие в движениях; женщина — ладно скроенная, со средней грудью и крепким животом, мужчина — пусть и subtilный, но размеренный в жестах и — сразу видно — прочно стоящий на ногах. Такие обычно планируют жизнь и могут рассказать, что будет с ними лет через пять. Из их разговора Альваро понял, что его зовут Джеральд, ее — Эмма, а малышку — Мими. Мими попискивала, Джеральд делал вид, что ворчит, Эмма с наслаждением уплетала омлет. Они были страшно похожи на Альваро, Джесс

и Еву тогда... тогда, когда Джесс была молода и здорова.

Альваро отставил коктейль с мыслью о том, что ему противопоказано возвращаться на такие курорты и уж тем более брать «дайкири». Опасно даже оглядываться по сторонам — всюду чудится безвозвратно ушедшая жизнь. Он развернулся к морю — оттуда, со стороны пляжа, и должна была появиться Ева. Все-таки странный курорт: места полно, а прямо рядом с пляжем — порт, на рейде стоят сухогрузы, пустует длинный причал для круизных лайнеров. Чуть поодаль видны краны порта — всего километр-полтора от отеля.

Альваро показалось, что он уже видит дочь — метрах в двухстах, вся в белом, будто бы это ее фигурка — худая, немного нескладная, смешная девочка. Только бы тоска не нахлынула вновь. Вот он, Альваро, одинокий, но еще не старый, и его дочка, с которой, наконец, можно будет поговорить не онлайн, а по-настоящему, и надо просто попытаться насладиться моментом. Можно съездить куда-нибудь вместе, тут наверняка есть какие-нибудь прогулки на катерах или багги, или трекинг по вулканам. Если, конечно, этот долбаный серфер не увяжется с ними. Альваро вышел под навес. Мимо него, едва не задев,

прошел какой-то парень из obsługi отеля со странным чехлом в руках.

Альваро услышал хлопок. Еще один. Будто кто-то лопаает картонные пакеты — такие, какие раздают в самолетах... Белая нескладная фигурка почему-то развернулась, побежала от отеля. Ева это или нет? Неясно... Но она убегает — это всё, что успел отчетливо, осознанно и полно зафиксировать мозг Альваро. Тут же раздались крики — сразу на нескольких языках. Различим для слуха оказался корявый, с акцентом, английский: «На пол! Все на пол!» Альваро развернулся и увидел, что Эмма, Мими и Джеральд уже лежат на полу. Какие-то сильные руки в это же мгновение швырнули вниз и Альваро. Повернув голову, он смог рассмотреть столовую, происходящее в которой будто замедлилось: несколько людей в камуфляже, с автоматами, стоят при выходе на улицу, еще пара — у выхода во внутренний коридор отеля. Постояльцы, служба — почти все ничком положены на пол. Вдоль пляжа бегут охранники отеля, раздается автоматная очередь, охранники падают как подкошенные, один за другим, кусочки коры отлетают от пальмы, которую тоже задело... Альваро подумал о том, что больше не увидит Еву. Никогда. Больше. Не увидит. Альваро встал. «Лежать», — закричал стоявший в паре метров тип в камуфляже. Альваро сделал

пару шагов... и всё. Всё прервалось на звуке выстрела. Белая нескладная фигурка убегала от отеля.

Глава 2 КОНТЕЙНЕР

Он пришел в себя на палубе сухогруза. Наверное, кто-то подтащил его сюда, усадил спиной к бортику, ноги чуть жгло нагретым на жаре металлом. Судорожные мысли человека, который не помнит ни секунды из последнего часа жизни, сталкивались в голове с хладнокровными умозаключениями хирурга. «Правая рука перемотана жгутом на плече. Почему? Ева... Ева убежала? Так. Вся рука в крови — очевидно, кость перебита, но кровопотеря не критична, артерия, видимо, цела. Почему корабль? Что вообще произошло? Чувствительности нет вообще. Интересно, задет ли нерв. Сколько времени уже наложен жгут? Записка, под жгутом должна быть записка со временем... Но ее нет. У кого об этом спросить?»

Альваро оглянулся в поисках возможных свидетелей: палуба обычного океанского сухогруза до отказа забита контейнерами. Какой-то матрос, стоя на лестнице, открыл один из них, стоящий вторым этажом на палубе. Под

лестницей — человек десять, все — грязные, пыльные, в крови, но в них угадываются туристы и несколько служащих отеля в своей форменной одежде.

— Лезьте туда! — скомандовал матрос.

— А пониже нельзя? — отреагировал какой-то загорелый мужик лет тридцати пяти, стоящий рядом с лестницей.

— Внизу всё занято! Быстрее!

— Давай сюда малыша! — прокричал матрос, и загорелый мужик протянул ему наверх младенца.

Матрос забрал младенца, который, как только его оторвали от мамки, разверещался. Следующей в контейнер полезла Эмма, знакомая Альваро мама малыша, с нее, стянутое ветром, слетело окровавленное парео. За Эммой карабкался Джеральд. Загорелый решительный тип повернулся к вцепившемуся в лестницу Джеральду, который уже почти добрался до верха:

— Сначала женщины! Женщины! Потом старики!

— А раненый? Раненый как? И еще девушка без сознания! — крикнул кто-то снизу.

— Мы затащим их последними.

Альваро успел понять, что раненый — это он. И снова отключился.